

Из главы V, параграф 4 «Отношение к смерти как маркер личностного развития»

* * *

Итак, вопрос о смерти и ответы на него претерпевают в возрастном развитии существенные изменения, особо остро обнаруживающиеся в периоды кризисов, перевалов от одного этапа к другому.

Духовная зрелость, нормативно наступающая (могущая наступить) в результате пережитой «середины жизни», подразумевает новое отношение к смерти, тесно увязанное с новым отношением к жизни, пониманием (переживанием) ее как «срочного обязательства», как беловика, а не черновика (который еще когда-то будет переписан), – как возможности наполнения жизни до краев опущенного срока, ее предельно осуществимой полноты. И – как центральное – *выход на нематериальные опоры, неуничтожимые фактом физической смерти.*

Материальное и вещное, разумеется, не устраняется (неустранимо), но привычно ища только такого рода опор и подчинений, мы с неизбежностью начинаем (рискуем начать) на них только ориентироваться, надеяться и, часто не замечая того, подчиняем им себя и жизнь. В результате мы им постепенно уподобляемся, отдаем им (бездушным) свое человеческое лицо, о-лице-творяем и – в пределе – становимся ими (рискуем стать). В частности, невольно встраиваем себя в логику процесса материального умирания и дряхления, лишив себя тем самым автономии духовного присутствия. Напомним при этом, что духовность (как переживание) несводима исключительно к религиозности в ее традиционной принадлежности к той или иной конфессии, но правомерна и в светском истолковании («geistlich» и «geistig»). Не исключая при этом существенных и принципиальных отличий, подчеркнем здесь психологическое общее. Это – несводимость основ человеческой жизни только к материальному, к пользе и выгоде; выход на предельные вопросы бытия; поиск (жажда) смыслов, неуничтожимых фактом физической смерти. Общее есть и в генезе: переход некоего рубежного состояния, кризиса, суда (себя и мира), острое переживание чувства беспредельного и непостижимого, будь оно явлено в природе и в нас самих. Возьмем, например, знаменитые слова Иммануила Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, - это *звездное небо надо мною и моральный закон во мне*». Вот уже третье столетие и верующих, и неверующих слова эти задевают, будят, поднимают, трогают.

Духовная сфера таким образом не эпифеномен или надстройка, не иллюзия или блажь, не фантазия или болезнь, не продукт социального конструирования или религиозного воспитания. Она бытийно укоренена и психологически резонирует в каждом (другое дело – в какой степени, на какой стадии развития и осознания), особо являя себя в переломах и кризисах зрелости, где оказывается единственно могущей дать не шаткую опору для жизни, исполненную смыслом, который способен преодолевать (преизбыточествовать) её заведомую ограниченность и конечность.

Логично назвать эту опору «верхней» (в отличие от вещественной и материальной – «нижней»). Без открытия реальности и первостепенности пространства этих «верхних оснований», без возникающей тяги к ним и обратной умопостигаемой связи, помощи от них мы рискуем оказаться в промахе, отклонении, блуждании, сворачивании в сторону, далекую от возможной, уже потенциально уготованной для нас полноты бытия. Построение психологического представления о сути развития личности (будь то нормального или аномального) вряд ли может без ущерба для себя миновать это обстоятельство.

Однако пока что само понятие *духовной зрелости*, как правило, даже не входит в расхожие определения нормы, сводящиеся, как мы видели (см. гл. I), к адаптивности, социальной успешности, усредненности, уравновешенности и т. п. Между тем, по Э. Фромму, последние характеристики могут принадлежать, скорее, состоянию *дефекта*, а если мягче – остановки, затянувшейся стоянки на обочине, принимаемой, однако за окончательную цель всей дороги, где поэтому надо как можно более комфортно и капитально устраиваться и располагаться. Понятно при этом, что опасность кроется не в самом по себе желании устройства комфорта и удобства, а в том, что промежуточное начинает восприниматься главным, отодвигая, а потом и затмевая сущностные пути и задачи.

Этим, конечно, трудности на пути духовного взросления не ограничиваются. По сути, в каждой из представленных в книге аномалий личности можно усмотреть серьезные психологические препятствия к такому взрослению. И психология (научная и практическая), насколько, разумеется, это в ее компетенции и силах, должна осознанно стремиться к нахождению способов устранения этих препятствий на пути к спасению и совершенству.